

УДК 655(37)

Николай Николаевич Мисюров

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, доктор философских наук,
Россия, Омск, e-mail: misiurovnn@omsu.ru*

Рукописная книга в культуре повседневности античной эпохи

Аннотация. Рассматривается функционирование массовой рукописной книги в социокультурном (коммуникативном) пространстве римского общества эпохи Империи, её роль в формировании идеологических «смыслов» и когнитивный статус в культуре повседневности античности, а также взаимоотношения автора, издателя и читателя.

Ключевые слова: рукописная книга; культура повседневности; книжное дело; автор; читатель.

Nikolay Nikolayevich Misyurov

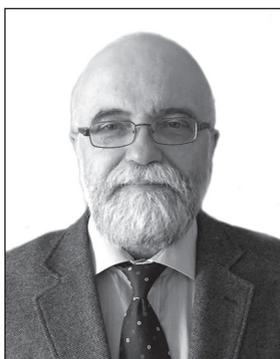
*F. M. Dostoevsky Omsk State University, professor of journalism and media linguistics department,
doctor of philosophical science, Russia, Omsk, e-mail: misiurovnn@omsu.ru*

Script book in the culture of everyday life of ancient era

Abstract. The functioning of the mass script book in the sociocultural (communicative) space of Roman society of the Empire era is considered, its role in the formation of ideological 'meanings' and cognitive status in the culture of antiquity, as well as the relationship between author, publisher and reader.

Keywords: script book; daily culture; book trade; author; reader.

Актуальность обращения к опыту становления и развития книги как социального и культурного феномена цивилизации «человека печатающего» обусловлена очередной «культурной революцией» — в сфере носителей и форм распространения текстов [10, с. 33]. Известен подобный культурно-исторический прецедент — совершившийся в первые века христианской эры переход от свитка к кодексу, т. е. к привычной нам форме

Н. Н. Мисюров

книги. Археологические данные, полученные при раскопках в Египте и Греции, в других центрах античности, свидетельствуют о массовости распространения рукописной книги, о технологических особенностях тогдашнего «издательского дела», о тематическом разнообразии создаваемых, издаваемых и заказываемых книг (исторического, философского, этического, медицинского, юридического, художественного содержания); кодекс вытесняет свиток в христианских общинах; тексты светские, литературные или научные

© Мисюров Н.Н., 2020

перенимают новую форму книги значительно позже, сохраняя привычный для читателя и книготорговца вид [5, с. 33]. Социология книги — самая неразработанная отрасль книговедения и культурологии; тем интереснее будет проследить на конкретных примерах судьбу античной книги, её бытование в повседневной культуре (древний Рим в этом смысле — мировой мегаполис, демонстрирующий культурные стандарты античной эпохи).

Объект и предмет исследования общего книговедения — книга, её сущность, способ и сама форма существования, структурные уровни организации, в диалектическом единстве отражающие её целостность; теория, методика, методология этой специфической отрасли гуманитарного знания, приведённой в систему, структурированной в соответствии с уровнями организации книги и уровнями её познания, её «смысловым содержанием», может быть продуктивной и успешной только на стыке междисциплинарных исследований [2].

Книгу — свиток, пергамент (это ценнейшее изобретение человечества уже существовало в древнем мире, в жреческой среде в Египте, в торговой среде на Востоке, в судебной практике греческих городов-государств) не упоминают ни Платон, ни Аристотель; объяснить это пренебрежение «письмом» (Ж. Деррида вообще считает «письмо» изменой «речи») можно только традицией философствования, философский «диалог» как жанровая находка был подобающей оболочкой «слова», устная форма его превалировала над записанной.

«Отдых и развлечение необходимы в жизни», признавал Аристотель, «обладание серединой» (чувство меры) соотносится с развлечениями и с удовольствием, требуется «известная пристойность в общении: что и как следует говорить и соответственно выслушивать»; при этом весьма важно, говорит ли человек в таких случаях или слу-

шает [1, с. 141]. Этим высказыванием обозначена суть коммуникативного процесса в «культуре повседневности» (не в философской беседе, не в ораторском выступлении на форуме или в суде, не на сцене театра, но в обыденной жизни человека). Природа смеха раскрывается в диалектическом аспекте: «Кто в смешном переступают меру, считаются шутами и грубыми людьми, ибо добиваются смешного любой ценой и, скорее, стараются вызвать смех, чем сказать изящное. А кто, не сказавши сам ничего смешного, отвергает их, считается неотесанным и скучным. Те же, кто развлекаются пристойно, прозываются остроумными» [1, с. 142]. Во всём следовать «золотой середине» — известное римское крылатое выражение.

Что понимать под книгой? Всякое, по определению Н. А. Рубакина, «произведение слова» — слово печатное, рукописное или устное. «Эти три главнейших формы словесных произведений, постоянно создаваемых человечеством в его социальной жизни, соединены одна с другой целым рядом переходных ступеней и постоянно переходят одна в другую»; переводить рукописное и печатное слово в устную форму коммуникации — то же, что «вводить книжные содержания в обыденную жизнь» [15, с. 22]. «С библиопсихологической точки зрения, во всяком передвижении всякой ценности по ее траектории особый интерес представляет психология подхода человека к человеку», всё книжное дело складывается из таких подходов; в процессе продвижения ценности (печатного, рукописного и устного слова) консонанс эмоций передающего с эмоциями получающего (как индивида, так и коллектива) способствует продвижению этой ценности, диссонанс же их эмоций мешает этому [15, с. 26]. Успех «печатного слова» (в том числе рукописного) обусловлен соотношением психологии участников «оборота книги» (как коммуникативного процесса обмена культурными «смыслами»), «передающих» (автор,

издатель и книгопродавец) и «получающих» (читатель, современник или же потомок). Существуют разные «механизмы» этого перехода; простейший из них передача материальная: книга как материальный предмет переходит из рук в руки; неизмеримо более сложен переход книжного «содержания» от автора к читателю («явления слушания и чтения»). Слушание — сложный труд; ещё более сложен процесс чтения; от всего этого зависит «ореол книги»; таким образом, «обстоятельства, как будто совершенно внешние и посторонние книжному содержанию, оказывают весьма существенное влияние на отношение к книге» [15, с. 27].

Культурологи отмечают: «Тот способ бытия человека, который установился в современном мышлении, позволяет ему исполнять две роли: он одновременно является обоснованием всех позитивностей и вместе с тем присутствует в стихии эмпирических вещей. Этот факт — речь идет здесь не о сущности человека вообще, но просто о том историческом априори, которое с начала XIX века очевидным образом служит почвою нашей мысли, — является решающим для определения статуса гуманитарных наук» [16, с. 364]. В самой «сердцевине» гуманитарного знания существует необходимость совместить бесконечное «богатство сходства» и то «однообразие», которым обуславливалось одинаковое расчленение «сходства» по отношению и к обозначающему, и к обозначаемому. В рамках такой эпистемологии, где «знаки» и «подобия» взаимно переплетаются, необходимо также, чтобы в отношении «микрокосма» к «макрокосму» сохранялась гарантия этого знания и одновременно был бы обозначен «предел его распространения» [16, с. 68]. Каким образом могут организовываться «фигуры знания»? Методом аналитического вычленения и выявления сходства определённых феноменов (в нашем случае коммуникативных «консонансов», порождаемых схожей индивидуальной и коллективной ре-

цепцией образов, способных «вводить книжные содержания в обыденную жизнь»). Возможно ли установить те формы, «посредством которых одни вещи уподобляются бесконечному множеству других» [16, с. 54]?

Выбор литературных источников применительно к нашему объекту исследования позволяет в деталях увидеть (прочитав это в тексте эпиграмматической или же эпистолярной формы) повседневную жизнь, бытование массовой рукописной «книги» в античной социальной и культурной среде. В связи с необходимой конкретизацией самого предмета исследования мы перемещаемся из области историко-культурного знания в сферу философии культуры, социологии и книговедения. Отдельная книга и «совокупности книг» рассматриваются в социокультурном контексте как «возбудители реакций» на исследуемого индивида и коллектива [15, с. 17]. Нас интересует порождение «смыслов» в процессе бытования «книжных безделиц» художника, кумира тогдашней римской публики в специфической, социально дифференцированной и одновременно скреплённой традиционными ценностями («отеческой» религией и господствующей идеологией) культурной среде «угасающего» великого Рима (т. е. в культуре повседневности поздней античности).

«Повседневное» бытие человека определяется внешними по отношению к нему «позитивностями», которые связывают его с великим множеством «вещей» и «фигур мира»; в свою очередь «конечное бытие» человека даёт всякому умозрительному определению возможность выявиться в «позитивной истинности» [16, с. 356]. Сама «система среды» при этом стремится быть целостной, она вбирает в себя всю сложность жизни, включая такое важнейшее её измерение, как время. «В старинной вещи ухватывается не реальное время, а лишь его знаки, культурные индексы. Они аллегоричны и тем самым не противоречат организа-

ции целого: здесь все осуществляется через знаки» [3, с. 83]. «Старинная вещь» (обладающая особым ценностным статусом) в рамках культурной среды обладает меньшей соотносённостью с другими вещами и выступает как нечто внешне «целое» (интегрированное в структуры «среды»), как «наличная подлинность» и наделяется специальным психологическим статусом [3, с. 84]. Всякий культурный «артефакт», функционально богатый и в «знаковом» отношении относительно бедный (каковы бы ни были его цена, качество и престижность), «соотнесён с сиюминутностью и исчерпывается будничным обиходом» [3, с. 91]. Иными словами, «книга» и субъективно обозначенная автором или же кем-то из современников «книжица» гомогенны.

Взаимосвязь исторических процессов и повседневного быта, по мнению исследователей «древнеримского материала», не очевидна; между тем «общественная жизнь и бытовая повседневность образуют две нераздельных стороны единого целого» [9, с. 12]. Задача — найти необходимый ракурс, чтобы проследить «повседневно бытовые проявления» общественных форм (жизнь гражданской общины «народа римского», феномен возведённого в высшую ценность государства, обожествление императоров, сакральное значение в общественном сознании юбилеев, роль общественных зрелищ). Любой предмет быта по своей непосредственной функции принадлежит сфере «практических предпосылок» человеческой жизнедеятельности (рационализации, комфорта, удовлетворения жизненных потребностей) [17]; его общественное содержание по природе своей — «знаковое» [19].

Книга (её автор) и читатель неотделимы от «книжного дела вообще» и находятся в функциональной зависимости от него как «гигантского социального механизма»; однако «стоит лишь, в ходе истории, измениться читательским вкусам и запросам, интересам и потребно-

стям, нравам, обычаям и привычкам, неизбежно приспособляется к этим переменам и авторство, и весь механизм книжного дела» [15, с. 16]. Публика настолько включена в самый «акт письма», что любая рукопись способна найти своего читателя и без особых усилий самого автора; «ориентация на общественность» придаёт самовыражению художника однозначный характер социальной значимости («общественной пользы») [13, с. 62]. Марциал жаловался из деревенской глуши, что ему «недостает слушателей-сограждан» [11, с. 343]. Об «изысканном литературном ораторстве» можно говорить как одной из переходных форм между словом устным и печатным; то же и декламация («мелодекламация»), в особенности характерная именно для римского театра. И это будут «различные формы единого книжного дела»; где же провести границы между ними и можно ли изучать одну из них, не изучая двух других [15, с. 22]? Общепринятую в античности практику чтения вслух, для других или для себя, не следует относить на счёт неумения читать глазами; такое чтение, как свидетельствуют источники, получило распространение в эллинистическом мире, продвижение определённых культурных стандартов меняло статус книги и литературных жанров. Скорее это была «некая культурная условность, в силу которой текст и голос, чтение, декламация и слушание составляли единое целое» [16, с. 30].

Как выглядела типичная рукописная книга в те времена? «Производство» и «потребление» книг изучено и подробно описано в имеющихся исследованиях [5]; испытанием временем выдержала сама исследовательская (популяризаторская) методологическая модель изучения «мира книги» [12]; фундаментальный характер носят современные исследования [8].

В эпоху распространения папируса его «ассортимент» варьировался; лучший сорт папируса, предназначавшийся в древнем

Риме для священных книг, получил наименование «августовский» (в честь императора Августа); потом по распоряжению императора Клавдия стали изготовлять улучшенный, более прочный папирус из волокон разных сортов; на нем писались важные официальные документы (для частных писем предназначался сортом похуже). В трудах Плиния Старшего (дяди Плиния Младшего) встречаются жалобы на недобросовестность изготовителей, заполонивших рынок бракованными папирусами; дешёвая книга выглядела «неопрятной».

Папирусный свиток обычно обёртывался выполнявшим функцию переплёта пергаментом, окрашенным в пурпур или шафранный цвет; торцы свитка (во времена Овидия их называли «лбами») шлифовались пемзой; иногда к краю папирусного свитка подклеивался защищавший его лист пергамента; крайний лист, иногда оба крайних листа, прикреплялись к продолговатым стержням, округлые концы которых назывались «пупками»; выдающиеся концы их имели форму изогнутых рожков и поэтому назывались «рожками», которые окрашивались в чёрный цвет, но иногда, в роскошных экземплярах, покрывались позолотой; о книге, прочитанной до самого конца, говорили, что она «перекручена до самых рожков» [4, с. 97].

Буквы в изданной античной книге были чаще всего прописными. Причина понятна — книга должна стать доступной любому грамотному человеку; это было бы невозможно, если бы писцы применяли курсивное письмо, также известное в античности (оно применялось лишь в частных списках) [4, с. 102]. В римскую эпоху повсеместное распространение получило унциальное, «книжное» письмо (прямые буквы писались без наклона, отличались чёткими округлёнными формами). Вот «портрет» массовой римской книги в одной из эпиграмм Марциала: «Хоть еще не наряжена ты в пурпур и не сглажена зубом жесткой пемзы, книжка...» [11, с. 72].

Интеллектуалы того времени (поэты, ораторы, философы) имели при себе принадлежности для письма и необходимые книги, составлявшие «походную» библиотеку из греческих и латинских книг (в письмах Плиния Младшего упоминается момент, когда он, приглашённый на охоту высокопоставленным другом, в засаде, отставив рогатину и копьё в сторону, увлечён чтением своих набросков на вощёных табличках). Действительно, книга — источник знания!

Opera corporis римского классика Марка Валерия Марциала состоит из дошедшего до нас без потерь сборника «Книга эпиграмм», составленного самим поэтом из двенадцати книг, следующих одна за другой в хронологическом порядке по мере выпуска их в свет, а также позже добавленных исследователями и издателями к этому литературному памятнику античности других его творений. Имевший общих друзей Плиний Младший полагал, что «эпиграммы Марциала не будут вечными», но всё же откликнулся на смерть поэта афористичным некрологом: «Слышу, что умер Валерий Марциал, и жалею об этом. Он был умен, ловок и остроумен. В стихах его было много соли и желчи, но не меньше и просто-душия» [14, с. 60]. Наследие его высоко ценилось во все времена: достойным для подражания признавал Марциала «олимпиец» И.-В. Гёте [6, с. 161]; особо выделял из чреды античных поэтов Марциала как поэта истинно римского, выражающего «римский дух», глава романтической школы в Германии Ф. Шлегель [18, с. 375]. Марциал снисходителен к тому, что видит и слышит на улицах Вечного города, в общественных местах, в гостеприимных домах друзей и знакомых, его зарисовки нравов полны иронии и юмора; то, что его порой возмущает, изображается с острой насмешкой. В оправдание «игривой правдивости» сочинений он писал: «Надеюсь, в своих книжках держался я такой меры, что всякий, кто правильно о себе судит, не может на них

пожаловаться, потому что они, подшучивая даже над самыми незначительными лицами, сохраняют к ним уважение... По мне, пусть дешевле стоит моя слава и ниже всего ценится мое дарование, но пусть не будет у прямодушных наших шуток неприязненного толкователя, и пусть он не записывает моих эпиграмм» [11, с. 29].

Тематическое многообразие эпиграмм Марциала описывать не станем, ограничимся конкретным предметом исследования — «образами» получившей признание образованной публики и завоевавшей популярность у массового читателя книги, а также варьирующимся «образом» автора, точнее, динамикой и статикой «образов» любимца публики, вполне независимого ироничного наблюдателя обыденной жизни Рима.

Механизм «книжного дела» раскрывается в обращении к постоянному читателю: «Ты, что желаешь иметь повсюду с собой мои книжки и в продолжительный путь ищешь как спутников их, эти купи, что зажал в коротких листочках пергамент: в ящик большие кладь, я и в руке умещусь. Чтобы, однако, ты знал, где меня продают, и напрасно в Городе ты не бродил, следуй за мной по пятам...» [11, с. 30]. Вот сентенция на тему «Так проходит земная слава»: «Предпочитаешь ты жить в книжных лавках, моя книжечка, хоть и открыты всегда наши лари для тебя. Нет, ты не знаешь, увы, как владыка-Рим привередлив...» [11, с. 30]; поэт подшучивает над соперниками: «Ежели книг у тебя обработанных ящики полны, то почему не издашь ничего? “Наши стихи, говоришь, наследник издаст”. Но когда же?» [11, с. 122]. Да и читатель читателю — рознь: «Всякий раз, что меня, Луперк, ты встретишь, “Не послать ли мне малого, — ты скажешь, — чтоб ему эпиграмм ты отдал книжку? Как прочту я ее, верну обратно”. Нет, мальчишку гонять не стоит...» [11, с. 59]. Описывается внешний скромный вид книги: «Новую книжку мою, с еще не отглаженным

краем и у которой страниц страшно коснуться сырых, мальчик, в подарок носи пустяковый любимому другу: первый по праву мои шутки он должен иметь... Право, подчистки все равно не способны исправить наши остроты: зараз все их исправит она» [11, с. 116]. Однако в обиду своё «дитя» не даст, позаботившись о судьбе «книжки»: «Я тебе вверяю наши, если мне можно так назвать их, книжки...» [11, с. 33]. Секрет успеха прост: «Любит стихи мои Рим, напевает повсюду и хвалит, носит с собою меня каждый и держит в руках. Вот покраснел, побледнел, плюнул кто-то, зевнул, столбенеет. Это по мне!» [11, с. 181]. Публичное чтение своих стихов авторами в общественных местах было обычным делом; самыми удобными местами считались портики и римские бани, где слушатели оказывались невольными участниками такого «потребления культуры»; принято было «потчевать» гостей книжными новинками на званых обедах и дружеских пирушках. Это говорит о распространённости и доступности рукописной книги в древнем Риме.

Активность издателей иногда была психологической проблемой для авторов: Плиний Младший едва соглашается, что «надо, конечно, что-нибудь издать» [14, с. 5]. Марциал описывает с изрядной долей иронии издательский процесс: «Что пристал ты ко мне с изданием книжек? Не прочел ты еще и двух страничек, а уж смотришь в последний листик, и зевать во весь рот ты начинаешь. Это те эпиграммы, что ты слушал и скорей заносил ты на таблички, это те, что за пазухой таскал ты на пиры и в театр по одиночке; это те или новые — получше. Что за польза в таком мне тощем свитке, что не толще концов на книжной скалке, коль в три дня ты прочесть его не можешь?» [11, с. 65]. «Больше трехсот эпиграмм могла бы ты вынести, книга, но кто бы вынес тебя, кто бы прочел до конца? Вот и узнай, каковы коротенькой выгоды книжки: первое, что на нее

меньше бумаги идет, а во-вторых, что за час окончит ее переписчик, да и не только на вздор употребит его мой, в-третьих же, коль у тебя найдется где-то читатель, пусть до конца ты плоха, не надоешь ты ему. И за столом тебя раньше прочтут, разбавивши кубки, чем начнет остывать чаша с горячим вином. Думаешь ты, что успех обеспечит тебе эта краткость? Многим, увы, и такой будешь ты слишком длинна!» [11, с. 63]. Поэт советует дотошному издателю: «Первая где ж, если это книга вторая?» Что же мне делать, коль та, первая книга, скромней? Если же, Регул, тебе угодней дать первенство этой, ты с заголовка ее йоту одну соскобли» [11, с. 84].

Литературные новинки, как и научные сочинения, имевшие успех у заинтересованных читателей, обогатили предприимчивых книготорговцев; известно несколько имён видных римских книгоиздателей и книготорговцев (впервые их упоминает в своих письмах Цицерон). В правление «божественного» Августа в Риме действовали настоящие «издательские дома»; книжными лавками обрастал Форум. Список издаваемых книг был достаточно широк: школьный классик Вергилий, моралист Сенека, историк и патриот Тит Ливий, сатирик Марциал, учитель риторики Квинтилиан. Модная книжная лавка обычно становилась центром оживлённой уличной жизни. «Оборот книг» поэт описывает в сатирических подробностях, с юмором и в философском духе: «Ты подарком кому быть хочешь, книжка? Добывай покровителя скорее, чтобы в черную кухню не попасться и тунцам не служить сырой оберткой... Кедровым маслом умащенная, пойдешь ты и, с обеих сторон в убранстве пышном, закичишься головками цветными; всю покроет тебя изящный пурпур» [11, с. 87]. «Коль аттическим быть ушам угодной хочешь, книжка, то надо непременно, чтоб одобрил тебя мой критик. Щепетильней он всех и всех ученых, но и всех беспристрастней и радушной.

Если он наизусть тебя запомнит, ни завистников не бойся, ни злосчастной оберткой стать макрели, коль осудит, сейчас же на прилавки ты ступай к продавцам соленой рыбы, раз годна лишь мальчишкам для каракулей» [11, с. 137]. Вот вам и процесс «утилизации» книги!

Вслед за книгой в римскую жизнь вошла библиотека (как комплекс общественно значимого просветительства). Появление в Риме богатых библиотек относят ко временам Республики, когда вывезенные римскими полководцами из завоёванных стран книжные собрания эллинистических царей и тиранов составили основу частных, в том числе публичных (доступных общественности) библиотечных хранилищ. Полководец и богач Лукулл, прославившийся огромным состоянием и пышными пирами, с фанатизмом и заботой относился к бесценному собранию книг, гордился им не меньше, чем победами над врагами Рима. Идея устройства в Риме публичной библиотеки принадлежит Цезарю, убийство диктатора похоронило благое пожелание. Несколько десятилетий спустя к этому «проекту властей» обратился деятель римского «просвещения» Азиний Поллион; библиотека была основана при храме Свободы на Форуме. Позднее император Тиберий основал библиотеку при храме Божественного Августа; судьба её оказалась такой же, как и судьба других римских библиотек (она сгорела). Император Траян открыл другую библиотеку на Форуме, одна из последних «языческих» библиотек была учреждена императором Адрианом. Плиний Младший упоминает об открытии в сельской местности библиотеки, устроенной на его пожертвования, для своих земляков [14, с. 9]. Постройка дома по заказу просвещённых знатных и образованных зажиточных граждан предусматривала особые помещения для хранения книг; принято было организовывать небольшие библиотеки в загородных поместьях (библиотеки, считал римский архитектор

Витрувий, «должны сооружаться с пышностью», не уступающей великолепию общественных построек). Плиний Младший в описании своей виллы в провинции упоминает заставленную массивными книжными шкафами особую комнату, в которой солнце, двигаясь по кругу, «заглядывает во все ее окна» [14, с. 37]. Такова была социокультурная функция рукописной римской книги античной эпохи.

Это лишь малая часть возможных наблюдений над «смысловыми структурами», порождёнными сложными (непосредственными и опосредованными) взаимоотношениями автора и читателя, автора и издателя, автора и критика в социокультурной среде, над тем, как функционирует массовая античная рукописная книга (папирусный свиток и пергаментная тетрадь) в социокультурном пространстве (в специфической «культуре повседневности» поздней античности) римского столичного общества далёкой от нас эпохи, ожившей под пером поэта, мастерски, зримо изображённой в сатирических и ироничных зарисовках лю-

бимца публики и вместе с тем вполне независимого художника. Обратим внимание, насколько детально описал Марциал сам процесс изготовления, «производства», чтения, «потребления» книги: «Ну, довольно тебе, довольно, книжка: доказались уж мы до самой скалки, ты ж все дальше вперед идти стремишься, последний листок тебя не сдержит, как будто не кончено с тобою, хоть покончено с первых строчек. И читатель уже ворчит усталый, и писец уж просит: “Ну, довольно тебе, довольно, книжка!”» [11, с. 138].

Исследование книги как социокультурного феномена в расширенном контексте коммуникативного процесса, в котором она реализует свою сущность, признаки, свойства и отношения, позволяет точнее понять и описать функцию (наряду с функциями когнитивной и эстетической, а также «библиопсихологической») распределения и перераспределения социальной информации в процессе общественной «практической» деятельности (индивида и коллектива) и «потребления» культуры.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения. М. : Мысль, 1975. Т. 1. 550 с.
2. Беловицкая А.А. Книговедение. Общее книговедение. М. : МГУП, 2007. 393 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 2001. 218 с.
4. Борухович В.Г. В мире античных свитков. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 224 с.
5. Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. М. : Книга, 1988. 312 с.
6. Гёте И.-В., Шиллер Ф. Переписка. М. : Искусство, 1988. Т. 1. 540 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
8. Киселева Л.И. Западно-европейская рукописная и печатная книга XIV–XV вв.: кодикологический и книговедческий аспекты. Л. : Наука, 1985. 303 с.
9. Кнабе Г.С. Древний Рим — история и повседневность. М. : Искусство, 1986. 208 с.
10. Маклюэн Г.М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. М. : Акад. проект, 2005. 495 с.
11. Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. М. : Художеств. лит., 1968. 488 с.
12. Немировский Е.Л. Мир Книги. С древнейших времен до начала XX века. М. : Книга, 1986. 287 с.
13. Общество. Литература. Чтение: Восприятие литературы в теоретическом аспекте / под ред. О.В. Егорова. М. : Прогресс, 1978. 294 с.
14. Письма Плиния Младшего. М. : Наука, 1982. 408 с.
15. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М. : Книга, 1977. 263 с.
16. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сэд, 1994. 407 с.
17. Шартье Р. Письменная культура и общество. М. : Новое изд-во, 2006. 272 с.
18. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М. : Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.
19. Bennett A. Culture and everyday life. Brisbane : SAGE Publ., 2005. 216 p.